C

D-A38-88
21112

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СР

лич. пред. выдач

Проф. Д. М. Петрушевскій.

2726

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО У ГОМЕРА.

МОСК. ЧАС. ВЫСШІЕ ЖЕНСК. ЮРИДИЧЕСК.

Опытъ исторической характеристики.

Изданіе 2-е.

ЗАДРУГА.

МОСКВА.—1913 г.

К
(38)
30
ПР 47
1 ИЮЛ 1918
2726

Проф. Д. М. Петрушевскій.

ОБЩЕСТВО и ГОСУДАРСТВО У ГОМЕРА.

Фундаментальная БИБЛИОТЕКА И. Ф. И.

Опытъ исторической характеристики.

Изданіе 2-е.

ЗАДРУГА.

МОСКВА.—1913 г.

Ч-50 12.
Фундаментальная БИБЛИОТЕКА И. Ф. И.

Нз 78 1ЕЬ 140

Р. С. Ф. С. Р.
Н. К. П.
Библиотека
г. Москва

7Н2 212 7ГИ
П 312

а/р. 38-88 Х - 21112/52

Библиотека
Т. Г. У.

И-55

Х-31670

Типографія Вильде, Москва, Малая Кисловка, соб. д.

Изученіе общества на ранней ступени его развитія является лучшимъ изъ средствъ разобраться въ чрезвычайно сложномъ механизмѣ современнаго общества, понять крайне пеструю ткань его матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ и, такимъ образомъ, составить болѣе или менѣе отчетливое представленіе о томъ, что такое современное общество, какъ и чѣмъ оно живетъ, откуда и куда оно идетъ. На ранней ступени развитія общество является болѣе простымъ по своему составу, по задачамъ, которыя оно преслѣдуетъ, и по средствамъ, съ помощью которыхъ оно удовлетворяетъ свои потребности; его легче понять, поэтому съ него удобнѣе начинать знакомство съ общественными явленіями.

Гомеровская Грецiя, въ той или иной степени, знакома всякому образованному человѣку. Мнѣ казалось поэтому удобнымъ остановить вниманіе читателя на матеріалѣ, ему знакомомъ и даже близкомъ, и въ этомъ ма-

теріалѣ подчеркнуть тѣ стороны, которыя, можетъ-быть, не всегда съ надлежащей отчетливостью подчеркиваются. Каково по своему составу и характеру гомеровское общество, въ какой степени оно выработало уже государственную организацію, какова эта государственная организація,—вотъ, въ общемъ, тѣ вопросы, отвѣтъ на которые я считаю весьма поучительнымъ для того, кто хочетъ подобные же вопросы предлагать современной общественной и политической дѣйствительности.

I.

Царь, дума и народное собраніе,—вотъ органы власти въ гомеровскомъ обществѣ, элементы его государственной организаціи. Разсмотримъ сначала каждый изъ этихъ элементовъ, затѣмъ перейдемъ къ изученію самого общества, выдѣлившаго изъ себя эту государственную организацію, къ его составу и къ хозяйственному его строю, и, въ заключеніе, сдѣлаемъ общую характеристику гомеровскаго общества какъ съ матеріальной его стороны, такъ и со стороны того міросозерцанія, которое оно выработало.

Гомеровское государство — государство племенное: общество, выработавшее государственную организацію, которую мы въ данный моментъ имѣемъ въ виду воспроизвести,

построено на кровномъ началѣ; это—племя, т.-е. совокупность болѣе мелкихъ родовыхъ группъ, признающихъ общность своего происхожденія, совокупность родовъ, фратрій и филъ.

Политическою главою общества является царь, басилевсъ (βασιλεύς=нѣм. Herzog=русск. воевода).

Царь—прежде всего предводитель племени на войнѣ (на это указываетъ самое слово βασιλεύς); затѣмъ, онъ судья племени и, наконецъ, представитель племени передъ богами, верховный жрецъ.

Весьма возможнымъ представляется предположеніе, что царская власть возникла какъ отвѣтъ на потребность въ сосредоточеніи силъ отдѣльныхъ родовыхъ группъ въ виду защиты или нападенія, что царь прежде всего явился какъ военный предводитель соединившихся только для военныхъ цѣлей болѣе мелкихъ родовыхъ группъ. Естественнымъ является выводъ, что на первыхъ порахъ власть предводителя племени была лишь временной, продолжаясь лишь до тѣхъ поръ, пока продолжалась потребность въ ней, пока продолжалась война. Выводъ этотъ находитъ себѣ подтвержденіе въ фактахъ, въ которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться. Въ

Θессаліи въ историческое уже время въ случаѣ войны отдѣльныя родовыя группы соединялись и выбирали общаго предводителя Въ эпоху передвиженій и, слѣдовательно, постоянной борьбы и власть предводителя дѣлалась все болѣе и болѣе прочной и, при благопріятныхъ условіяхъ, могла сдѣлаться постоянной. Привыкнувъ дѣйствовать сообща въ военное время, родовыя группы не разрывали связи и въ мирное время и, при помощи фикціи, превращались въ племя, т.-е. въ болѣе обширное соединеніе, построенное по типу входящихъ въ составъ его болѣе мелкихъ родовыхъ группъ; временный военный предводитель на время соединившихся родовыхъ группъ становился постояннымъ главою племени, его вождемъ на случай войны, его судьей и представителемъ его передъ богами, становился царемъ племени,—родовой типъ общества воспроизводился въ болѣе широкихъ размѣрахъ, со всѣми его характерными подробностями.

Въ гомеровскомъ обществѣ власть царя, какъ общее правило, уже наслѣдственна въ одномъ семействѣ, производящемъ себя отъ боговъ. Такъ какъ личная доблесть еще неотъемлемое качество царя, то переходъ царской власти отъ дряхлаго отца къ цвѣту-

щему сыну возможенъ еще при жизни отца (Лаэртъ и Одиссей). Въ видѣ исключенія возможенъ переходъ царской власти въ другой родъ и при наличности наслѣдниковъ. „На волнообъятой Итакѣ“, говоритъ Телемакъ, „есть много и другихъ князей ахейскихъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, изъ которыхъ кто-нибудь можетъ быть царемъ, если ужъ умеръ божественный Одиссей“ (Од., I, 394—396).

Въ военное время власть царя, какъ предводителя войска, сравнительно велика: централизація и дисциплина — первыя условія успѣха па войнѣ. Тѣмъ не менѣе, о неограниченности царской власти даже въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Не говоря уже о томъ, что всякая идея, возникающая въ головѣ царя, прежде своего осуществленія должна подвергнуться обсужденію въ совѣтѣ, никакое рѣшеніе царя и его думцевъ не могло быть приведено въ исполненіе безъ согласія на то всего народа, какъ знатныхъ, такъ и самыхъ простыхъ людей. Простыхъ людей третируютъ подъ-часъ весьма презрительно (если только не видѣть въ извѣстныхъ сценахъ 2-й пѣсни Иліады проявленій аристократической тенденціи, въ довольно сильной степени замѣтной въ поэмахъ). А

все же ихъ увѣдомляютъ о рѣшеніяхъ царя и его думы, и рѣшенія эти предлагаютъ на благоусмотрѣніе тѣхъ самыхъ „невоинственныхъ и трусливыхъ“ мужей, которые „не идутъ въ счетъ ни на войнѣ, ни въ совѣтѣ“ и поэтому „должны сидѣть смирно и слушать рѣчи другихъ, тѣхъ, что почище ихъ“ (Ил., II, 200—202) Въ военной обстановкѣ сосредоточеніе власти въ рукахъ главнокомандующаго имѣло большое значеніе; тамъ могла возникнуть идея: „многовластіе—не хорошее дѣло; пусть будетъ одинъ владыкой, одинъ царемъ, тотъ, кому сынъ хитраго Кроноса даровалъ скипетръ и законы, чтобы онъ царствовалъ“ (Ил., II, 204—206). Но не слѣдуетъ забывать, что идея эта вложена въ уста *царя* Одиссея, что это—его благое желаніе, мечта, идеалъ, къ тому же идеалъ, облеченный въ такую форму, которая должна дѣйствовать на воображеніе простыхъ людей, приглашаемыхъ Одиссеемъ въ народное собраніе, въ качествѣ аргумента, не менѣе принудительнаго, чѣмъ находящійся у него въ рукахъ „неистребимый“ скипетръ Агамемнона, „пастыря народовъ“. Народъ въ лицѣ своего представителя Терсита вовсе не склоненъ относиться къ личности царя съ тѣмъ нѣсколько суевѣрнымъ почтеніемъ, которое

рекомендуетъ ему Одиссей. Правда, Терситъ представленъ „мужемъ безобразнѣйшимъ, косоглазымъ, хромоногимъ“, у котораго „совершенно горбатыя сзади плечи на персяхъ сходились; глава у него подымалась вверхъ остріемъ и была лишь рѣдкимъ усѣяна пухомъ“; онъ „межъ безмолвными каркалъ одинъ, празднословный, въ мысляхъ имѣя всегда непристойныя многія рѣчи, вѣчно искалъ онъ царей оскорблять, презирая пристойность, все позволяя себѣ, что казалось смѣшно для народа“. Тѣмъ не менѣе, Терситъ весьма вѣрно выражаетъ чувства народа къ царямъ; „съ крикомъ пронзительнымъ“ поноситъ онъ „скиптроносца Атрида“; по словамъ поэта, „на него аргивяне гнѣвались страшно, уже возставалъ негодующихъ ропотъ“; это обстоятельство не смущаетъ Терсита (онъ увѣренъ въ сочувствіи къ нему народа; увѣрены въ этомъ и мы и даже склонны совсѣмъ не вѣрить заявленію поэта), и онъ произноситъ грозную филиппику по адресу Агамемнона, обвиняя „пастыря народовъ“ въ корыстолюбіи, алчности и въ небреженіи интересовъ ахеянъ, упрекая ахеянъ въ робости, Ахиллеса—въ излишней мягкости и убѣждая народъ возвратиться домой и показать Агамемнону, что не въ немъ

одномъ и подобныхъ ему царяхъ и герояхъ заключается все, что и простые „невоинственные и безсильные“, по мнѣнію Одиссея, люди кое-что значатъ, если не въ совѣтахъ, то ужъ, навѣрное, на войнѣ. Отвѣтомъ на рѣчь Терсита была брань и побои со стороны Одиссея; на хребетъ и плечи „безумнорѣчиваго, хотя громогласнаго, витіи“ посыпались удары „скиптра златаго“, и „изъ очей его брызнули крупныя слезы“, „сѣлъ онъ, отъ страха дрожа, и отъ боли видъ безобразный наморщивъ, слезы отеръ на ланитахъ. Всѣ, какъ ни были смущены отъ сердца надъ нимъ разсмѣялись“. Послѣдняя фраза, можетъ-быть, и соотвѣтствуетъ, въ извѣстной степени, дѣйствительности: извѣстенъ живой темпераментъ грековъ, весьма чувствительный ко всему комическому. Но едва ли то же можно сказать о дальнѣйшихъ подробностяхъ, изъ которыхъ явствуетъ, будто народъ увидѣлъ въ поступкѣ Одиссея достойный этого героя подвигъ, къ тому же знаменитѣйшій среди множества славныхъ дѣлъ, имъ совершенныхъ; послѣ котораго буйный ругатель станетъ менѣе велерѣчивымъ и впредь не отважится, дерзновенный, „Зевсу любезныхъ царей оскорблять поносительной рѣчью“ (*Ил.*, II, 211—277). Изобразить все

это было во власти поэта, но едва ли было во власти Одиссея все это вызвать въ дѣйствительности. Едва ли такія рѣчи приходилось слышать отъ народа царямъ, которые сами въ присутствіи народа говорили другъ другу горькую правду, обзывая другъ друга „винопійцами, со взорами пса, но съ душею еленя“ (Ил., I, 225—231).

Такимъ образомъ, и въ военное время власть царя была ограничена какъ думой, такъ и народнымъ собраніемъ. Нечего и говорить, что въ мирное время царь являлся съ еще болѣе скромными полномочіями. Въ мирное время выдвигается другая функція царя, его судебная роль. Говоримъ „роль“, а не власть, потому что царь является третейскимъ судьей, къ которому спорящія стороны прибѣгаютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ почему-либо считаютъ для себя болѣе удобнымъ обратиться къ суду царя, а не къ своему родовому суду. Весьма вѣроятно, что это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда шли пререканія между представителями разныхъ родовыхъ группъ. Судебная роль царя имѣетъ большое значеніе въ гомеровскомъ обществѣ: она является основой популярности царя. По словамъ поэта, „тамъ, гдѣ безпорочный, страха божія полный царь

правду творитъ, тамъ, вслѣдствіе хорошаго управленія черная земля приноситъ пшеницу и ячмень, деревья гнутся подъ тяжестью плодовъ, не переводится мелкій скотъ, море доставляетъ рыбу, и счастливо живетъ подъ его властью народъ“ (Од., XIX, 109 — 114). Царь судитъ по обычному праву. Функцію эту дѣлятъ съ нимъ народные старѣйшины, представители родовыхъ группъ, изъ совокупности которыхъ состоитъ болѣе обширное общественное соединеніе съ царемъ во-главѣ. Сцена суда на щитѣ Ахиллеса (Ил., XVIII, 496—508) даетъ объ этомъ несомнѣнное свидѣтельство. Изъ этой сцены мы узнаемъ и о характерѣ суда этой эпохи. Судъ — безспорно третейскій. Мы имѣемъ дѣло съ обществомъ, въ которомъ понятія о преступленіи, какъ объ ущербѣ, наносимомъ *всему* обществу, а потому и наказуемомъ государственной властью, еще не существуетъ. Убійство, какъ и всякое другое, съ нашей точки зрѣнія преступное дѣяніе, есть ущербъ, нанесенный индивидууму и той родовой группѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Отвѣтомъ на него является месть со стороны родственниковъ обиженнаго обидчику и его роду. Родовая месть имѣетъ еще всѣ права гражданства въ го-

меровскомъ обществѣ; религія ее узаконяетъ: душа неотмщеннаго человѣка не находитъ успокоенія. Но рядомъ съ родовой местью съ такими же правами стоитъ и денежный выкупъ. Въ сценѣ, изображенной на щитѣ Ахиллеса, споръ идетъ именно о пени за убійство. Споръ происходитъ въ народномъ собраніи. Одинъ человѣкъ доказываетъ, что онъ уплатилъ пеню, другой отрицаетъ это, заявляя объ этомъ всему народу. Часть народа стоитъ за одного, часть—за другого, громко выражая свои мнѣнія и чувства. Глашатаи призываютъ къ порядку. Стороны рѣшили покончить споръ, обратившись къ третейскому суду. Старѣйшины сидятъ на тесанныхъ камняхъ въ священномъ кругу. Принявъ изъ рукъ глашатая скипетръ, они встаютъ одинъ за другимъ и произносятъ приговоръ. Посреди нихъ лежатъ два таланта золота, которые получитъ тотъ изъ тяжущихся, кто окажется правымъ въ глазахъ старѣйшинъ. Два таланта, это—залогъ, вносимый однимъ изъ тяжущихся (истцомъ) при началѣ дѣла; въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла истецъ получалъ этотъ залогъ обратно, въ противномъ случаѣ—терялъ. Эта процессуальная подробность знакома намъ изъ практики

аѳинскихъ и древне-римскихъ судовъ, а также судовъ старой Малороссіи, гдѣ залогъ этотъ назывался „выкладомъ“.

Можно указать два источника, откуда царь получалъ средства, необходимыя для содержанія его самого и для нѣкоторыхъ затратъ общественнаго характера, — затратъ, которыя сводятся, въ сущности, къ угощенію членовъ царской думы въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣданія думы происходили въ царскихъ палатахъ за обильными яствами и питіями (откуда и сами думные люди носятъ названіе „сотрапезниковъ“): прежде всего это царскій домэнъ, земельный надѣлъ, выдѣляемый царю въ пользованіе (τέμενος), а затѣмъ разнаго рода подарки со стороны народа (въ томъ числѣ почетный подарокъ изъ военной добычи, γέρας, помимо части добычи, причитающейся на долю царя, μοῖρα), какъ совершенно добровольные и неопредѣленные по величинѣ и характеру (δωτῖναι), такъ и слѣдуемые ему по обычаю и, вѣроятно, болѣе опредѣленные (θέμιστες). На пирахъ царю—почетное мѣсто, лучшіе куски мяса и большіе кубки вина *).

---

*) Ликійскій царь Сарпедонъ говоритъ Главку: „Главкъ, почему намъ въ Ликіи почетъ воздаютъ передъ всѣми

Повидимому, положеніе царя было небезвыгоднымъ. Телемакъ находитъ, что „царствовать — недурная вещь; немедленно богатѣетъ домъ, и самъ человѣкъ, котораго Зевсъ сподобилъ власти, становится болѣе уважаемымъ“ (Од., I, 390—393).

Имя царя, басилевса, носятъ и родовые

Мѣстомъ переднимъ и мясомъ отборнымъ, и полною чашей
И обращаютъ къ намъ взоры, какъ будто къ богамъ вѣчносущимъ?
Мы отчего подлѣ Ксанѳа богатымъ владѣемъ надѣломъ,
И виноградникомъ славнымъ, и пашней, ячмень приносящей?
Вотъ почему намъ теперь надлежитъ предъ ликійской дружиной
Въ рядѣ переднемъ стоять и въ горячую ринуться битву.
Пусть говоритъ о насъ всякій ликійскій боецъ крѣпко-бронный:
— Нѣтъ, не лишенные славы, Ликійской страной управляютъ
Наши вожди и недаромъ ѣдятъ они тучныхъ барановъ,
Сладкимъ, какъ медъ, запивая виномъ; они доблестны силой,
Ибо въ переднемъ ряду предъ ликійской дружиною бьются“.

Иліада (переводъ Н. М. Минскаго), XII, 310—321.

Библиотека
г. Москва

старѣйшины и просто знатные люди. Царь въ мирное время является первымъ между равными. первымъ между князьями, стоящими во-главѣ родовыхъ группъ. На о. Схеріи у феаковъ, кромѣ Алкиноя, есть еще двѣнадцать „царей“, Алкиной—тринадцатый (Од., VIII, 390—391).

X-21112/52
а/р. 38-88

Рядомъ съ царемъ стоитъ **совѣтъ старѣйшинъ, геронтовъ.** Со старѣйшинами царь обсуждаетъ всѣ общественныя дѣла, они—его **дума.** Въ мирное время царь совѣщается со старѣйшинами у себя въ палатахъ, за пиромъ, а также и на открытомъ воздухѣ. Рѣшать дѣла безъ предварительнаго обсужденія ихъ въ думѣ царь можетъ, только рискуя своей популярностью. Это—не въ обычаѣ: за это царя осудятъ. Старѣйшины, это—представители болѣе мелкихъ родовыхъ группъ, изъ совокупности которыхъ состоитъ гомеровское общество; часто они носятъ такое же названіе, какъ и царь: они—басилевсы, цари. Царь созываетъ старѣйшинъ, князей, и они, собравшись для совѣта вмѣстѣ съ царемъ, составляютъ думу. Для состава думы, такимъ образомъ, необходимо соединеніе царя и князей племени. Мѣсто, гдѣ они засѣдаютъ, если засѣданіе происходитъ не въ палатахъ цар-

Фундаментальная библиотека И. Ф. К.
X-31670

скихъ, а на открытомъ воздухѣ, на площади, называется θόωκος (или θῶκος), и это слово часто употребляется въ смыслѣ засѣданія думы и просто думы.

Если къ засѣданію совѣта призвать всѣхъ свободныхъ людей племени, народъ (по-греч. λαός или (во мн. ч.) λαοί), то изъ соединенія царя, совѣта и народа образуется **народное собраніе, агорэ.** Сенатъ (состоящій изъ царя и геронтовъ) не распускается, такъ сказать, въ народномъ собраніи; онъ сохраняетъ свою индивидуальность юридическаго цѣлаго; онъ даже физически выдѣленъ изъ народнаго собранія, засѣдая отдѣльно отъ народа, на особомъ мѣстѣ, на θόωκος, представляющемъ собою кругъ („священный кругъ"), гдѣ лежатъ тесанные камни для сидѣнья. Народное собраніе созываютъ глашатаи по приказанію царя. Руководящая роль въ собраніи принадлежитъ центральному ядру, совѣту старѣйшинъ, царю и его думѣ. Думѣ чаще приходится собираться: у нея больше навыка въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ, больше организаціи; не удивительно, что и въ собраніи всего народа дума играетъ направляющую роль. Инціатива созыва народнаго собранія принадлежала царю. Царь собиралъ народъ,

конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда у него было что-нибудь опредѣленное сообщить народу, когда онъ, вмѣстѣ съ своей думой, пришелъ къ какому-нибудь рѣшенію, требующему одобренія народа. Какъ царь, такъ и всякій, желающій говорить въ народномъ собраніи, долженъ былъ говорить стоя, держа въ рукахъ скипетръ, переданный ему глашатаемъ, въ знакъ того, что говорящій въ собраніи исполняетъ этимъ общественную обязанность.

Приведемъ мѣсто изъ Одиссеи, бросающее яркій свѣтъ на роль народнаго собранія въ жизни гомеровскаго общества и на его отношеніе къ другимъ политическимъ элементамъ этого общества.

На о. Итакѣ, въ царствѣ Одиссея, давно уже, съ тѣхъ поръ, какъ отправился къ Троѣ божественный Одиссей, не собирали ни совѣта, ни народнаго собранія. Сынъ Одиссея, Телемакъ, выведенный изъ терпѣнія наглостью жениховъ, собираетъ народное собраніе, чтобы сообщить ему о тѣхъ безчинствахъ, которыя позволяютъ себѣ въ домѣ его отца неугомонные искатели руки его добродѣтельной матери. Собраніе открывается запросомъ старца Эгиптія. Вотъ его рѣчь:

„Выслушайте меня, итакійцы (послушайте), что я скажу. Ни разу не собиралось ни наше народное собраніе, ни совѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ божественный Одиссей уплылъ на вмѣстительныхъ корабляхъ. Кто же вотъ теперь собралъ (народъ)? Кому въ этомъ случилась надобность? Изъ молодыхъ ли онъ людей, или изъ болѣе старыхъ? Услышалъ ли онъ вѣсть о приближеніи войска первымъ и хочетъ сообщить намъ все то, что онъ узналъ объ этомъ? А то, можетъ-быть, онъ хочетъ довести до свѣдѣнія (народа) и сообщить что-нибудь другое, касающееся народа? Такъ ли, иначе,—во всякомъ случаѣ, хорошій это (должно-быть) человѣкъ, да будетъ благословенъ онъ. Да исполнитъ для него Зевсъ то хорошее, что онъ замыслилъ въ своемъ сердцѣ“ (Од. II, 25—34).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что народное собраніе немыслимо безъ царя. Царь, совѣтъ старѣйшинъ и народное собраніе существуютъ одновременно. Нѣтъ царя,—нѣтъ совѣта, нѣтъ и народнаго собранія. Двадцать лѣтъ живутъ итакійцы безъ этихъ учрежденій, и все-таки живутъ. Живутъ они не иначе, какъ мелкими родовыми группами (филами, фратріями, родами), совер-

шенно самостоятельными и самодовлѣющими, не нуждающимися другъ въ другѣ. Болѣе обширное политическое соединеніе когда-то имѣло здѣсь мѣсто, реально осуществляясь въ видѣ царя (одного изъ многихъ князей, стоящаго во-главѣ всего соединенія), совѣта (представителей болѣе мелкихъ группъ, князей) и народнаго собранія. Теперь это болѣе обширное соединеніе если и существуетъ, то только въ возможности, пока еще осуществимой только потому, что лишь недавно она была дѣйствительностью. Общество живетъ мелкими родовыми группами. Внѣшнихъ условій для соединенія этихъ мелкихъ группъ въ болѣе обширную группу, повидимому, нѣтъ. А внѣшнія условія и есть та сила, которая заставляетъ мелкія группы соединяться. Очевидно, и при Одиссеѣ эти мелкія группы дѣйствовали какъ одно цѣлое только въ исключительныхъ случаяхъ. Только въ важныхъ случаяхъ царь собиралъ совѣтъ и народное собраніе, только въ рѣдкихъ случаяхъ итакійцы являлись, какъ нѣчто цѣлое, какъ государство съ организаціей, болѣе широкой, чѣмъ организація каждой изъ мелкихъ родовыхъ группъ, изъ совокупности которыхъ состоялъ итакійскій народъ. Въ повседнев-

ной жизни каждая изъ мелкихъ группъ была совершенно самостоятельна Этими внѣшними условіями, временно соединявшими политическіе атомы общества, была, прежде всего, вѣсть о приближеніи непріятельскаго войска, заставлявшая отдѣльныя группы выбирать общаго восначальника и, подъ его командой, итти на враговъ. Являлось, такимъ образомъ, общее дѣло, общій вождь, и неизбѣжно слѣдовало общее обсужденіе и рѣшеніе общихъ дѣлъ какъ совокупностью вождей отдѣльныхъ группъ, такъ и совокупностью всѣхъ группъ, всѣмъ народомъ. Итакъ, появленіе перваго элемента политической организаціи, царя, влечетъ за собою появленіе и двухъ другихъ элементовъ—совѣта и народнаго собранія.

Гомеровское общество (представляющее собою совокупность болѣе мелкихъ родовыхъ группъ) является въ видѣ государства только въ экстренныхъ случаяхъ. Въ военное время мы видимъ въ полномъ дѣйствіи всѣ органы власти: царя, совѣтъ и народное собраніе. Такимъ мы видимъ гомеровское общество у стѣнъ Трои. Противоположную картину мы только-что видѣли на о. Итакѣ. Можно смѣло сказать, что въ мирное время и царь, и совѣтъ, и народное собраніе не

составляютъ безусловно необходимыхъ для существованія общества институтовъ. Порожденные условіями военнаго времени, они продолжаютъ существовать въ мирное время, находя пока лишь очень скудную почву въ условіяхъ внутренняго строя общества. Даже существеннѣйшая функція царской власти (послѣ предводительства на войнѣ и жречества), судъ, осуществляется только въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся находятъ почему-либо болѣе для себя удобнымъ обратиться, помимо (или послѣ) родовыхъ судовъ, къ третейскому суду царя и геронтовъ. Считаемъ необходимымъ еще разъ остановиться на организаціи суда въ гомеровскомъ обществѣ. Мы уже видѣли сцену суда, изображенную на щитѣ Ахиллеса (II., XVIII). Въ этой сценѣ мы имѣемъ дѣло не съ чѣмъ инымъ, какъ съ народнымъ собраніемъ. Правда, рѣшенія произносятъ старѣйшины, сидящіе на тесанныхъ камняхъ въ священномъ кругу. Но, вѣдь, и во всѣхъ другихъ случаяхъ говорятъ въ народномъ собраніи, руководятъ народнымъ собраніемъ тѣ же старѣйшины, какъ и въ первомъ случаѣ сидящіе отдѣльно отъ народа, какъ и тамъ поднимающіеся во время рѣчи съ своихъ мѣстъ со скипетромъ въ рукахъ, передаваемымъ имъ глаша-

таями. Народъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ царя и совѣта старѣйшинъ не рѣшаетъ самъ судебныхъ дѣлъ, хотя высказывается за ту или за другую сторону. Приговоры по этимъ дѣламъ произносятъ царь и старѣйшины. Тѣмъ не менѣе, приговоры эти произносятся въ народномъ собраніи, въ присутствіи всего народа. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что народное собраніе, какъ совокупность царя, старѣйшинъ и народа, не только рѣшаетъ всѣ дѣла о войнѣ и мирѣ, но является и съ судебными функціями: оно—судебное мѣсто народа Мало того. Народное собраніе есть источникъ всякаго права; его можно назвать законодательнымъ учрежденіемъ, если только не забывать того обстоятельства, что законодательную власть въ это время можно понимать только въ смыслѣ санкціонированія обычаевъ (θέμιστες), выросшихъ въ обществѣ самопроизвольнымъ путемъ. Идея о народномъ собраніи, какъ объ источникѣ права, нашла свое художественное выраженіе въ образѣ богини права Θемиды (Θέμις; и обычай по-греч. у Гомера—θέμις), „которая созываетъ и распускаетъ народныя собранія людей“ (Од., II, 68—69).

Подводя итоги, можно сказать, что народ-

ное собраніе у Гомера, это — весь народъ (племя), организованный какъ политическое цѣлое, народъ, непосредственно осуществляющій свои политическія права, это, слѣдовательно, народъ, старѣйшины, или князья, и царь. Царь единолично можетъ дѣлать нѣкоторыя распоряженія во время войны; царь и старѣйшины, являясь въ видѣ совѣта, могутъ обсуждать мѣры, которыя предстоитъ принять народу; царь и старѣйшины могутъ рѣшать тяжбы въ качествѣ третейскихъ судей; но и мѣры, подвергшіяся обсужденію царя и его совѣта, должны быть представлены на рѣшеніе всего народа, и рѣшенія по тяжбамъ должны быть произнесены опять-таки въ присутствіи всего народа; и въ первомъ, и во второмъ случаѣ царь и старѣйшины должны дѣйствовать лишь въ качествѣ необходимыхъ составныхъ частей народнаго собранія которое, повторяемъ, является не какъ собраніе народа въ противоположность царю и его совѣту, но какъ нѣчто цѣлое, совмѣщающее въ себѣ и царя, и совѣтъ и народъ, которое поэтому является самой высшей властью въ обществѣ, въ послѣдней инстанціи рѣшающей всѣ дѣла, касающіяся какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ его членовъ, является источникомъ

всякой власти и права. Какъ нѣчто отдѣльное отъ народнаго собранія, и царь, и совѣтъ являются лишь исполнительными его органами.

Такова политическая организація гомеровскаго общества, таково гомеровское **государство.**

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ гомеровскаго общества, къ его сословному строю и экономическимъ отношеніямъ.

II.

Сословный строй общества невозможно изучать иначе, какъ въ тѣсной связи съ его хозяйственной организаціей, такъ какъ въ неразрывной связи находятся они и въ жизни. Сословный строй и хозяйственная организація общества являются ключами другъ для друга, и даже можно съ нѣкоторыми ограниченіями сказать, что сословный строй, это — хозяйственная организація, переведенная на языкъ соціальныхъ отношеній. И намъ придется поэтому трактовать сословный

строй и хозяйственную организацію гомеровскаго общества, не размѣщая всего этого матеріала подъ двумя рубриками, не раздѣляя его рѣзкой гранью.

По своему составу, гомеровское общество далеко не представляетъ собою однородной массы; оно расчленено на **сословія** и **классы**, довольно опредѣленными чертами отличающіеся другъ отъ друга. **Знатные, простые, свободные и рабы**, съ одной стороны, **землевладѣльцы, безземельные батраки и ремесленники**, съ другой,—вотъ сословія и классы изучаемаго нами общества; прибавимъ къ этому едва только намѣчающуюся группу **купцовъ** и стоящую внѣ общественной организаціи группу людей, пришлыхъ со стороны, приселенцевъ, **метанастовъ**, и мы будемъ имѣть списокъ всѣхъ элементовъ населенія любой территоріи гомеровской эпохи. Двѣ представленныя нами классификаціи—а) знатные, простые свободные, рабы и метанасты и в) землевладѣльцы, безземельные батраки, ремесленники и купцы—не совпадаютъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ въ основу дѣленія положенъ одинъ признакъ—политическія и гражданскія права; во второмъ случаѣ—другой, занятія и имущественное положеніе, хотя, конечно, и въ первомъ, и во второмъ случаѣ рѣчь идетъ

объ однихъ и тѣхъ же людяхъ, только разсматриваемыхъ съ двухъ разныхъ сторонъ: знатные люди являются и какъ крупные землевладѣльцы, простые свободные являются въ положеніи мелкихъ землевладѣльцевъ, безземельныхъ батраковъ, ремесленниковъ и купцовъ. Разсмотримъ сначала группировку общества по занятіямъ и имущественному положенію, а затѣмъ перейдемъ къ дѣленію его по правамъ и участію во власти.

Съ хозяйственной стороны, гомеровское общество—общество земледѣльческое. Скотоводство играетъ еще большую роль въ жизни гомеровскихъ грековъ. Мы постоянно встрѣчаемся со стадами рогатаго скота; цари и князья богаты ими, и нѣкоторые изъ грозныхъ героевъ, обезсмертившіе свои имена великими подвигами у стѣнъ священной Трои, мирно пасли козъ и овецъ на зеленыхъ лугахъ своей богами хранимой земли. „Божественный“ свинопасъ Эвмей среди рабовъ Одиссея пользовался особымъ почетомъ царя и его любовью. Скотъ служилъ опредѣлителемъ мѣновой цѣнности (стоимости) предметовъ, игралъ, слѣдовательно, роль денегъ, что имѣло мѣсто у многихъ народовъ на ранней ступени ихъ развитія; герои Діомедъ и Главкъ обмѣниваются доспѣхами; доспѣхъ

Главка золотой, „во сто цѣнимый тельцовъ“, доспѣхъ Діомеда—мѣдный, „стоющій девять“ (тельцовъ) (Ил., VI, 235—236). Несмотря на все это, было бы большой ошибкой предполагать, что земледѣліе и, въ особенности, землевладѣніе находятся въ гомеровскомъ обществѣ лишь на первой ступени развитія. Далеко нѣтъ. Земля давно уже стала частной собственностью. Найти у Гомера сельскую общину съ общиннымъ владѣніемъ и хозяйствомъ—дѣло очень трудное и едва ли возможное. Мобилизація земли сдѣлала серьезные успѣхи. Это отразилось на сословномъ строѣ: появились люди многоземельные и люди безземельные, принужденные добывать себѣ средства къ существованію работой на чужой землѣ при помощи чужихъ орудій. Такимъ образомъ, если у грековъ и была когда-нибудь сельская община со всѣми ея характерными признаками, въ видѣ общиннаго владѣнія землей, исключающаго частную собственность на землю, въ видѣ передѣловъ и общинной обработки, то въ поэмахъ Гомера о ней и воспоминанія не сохранилось Впрочемъ, въ поэмахъ встрѣчается одно слово, въ которомъ нѣкоторые ученые склонны видѣть живого свидѣтеля какъ разъ тѣхъ аграрныхъ порядковъ, которые

намъ представляются безслѣдно исчезнувшими въ гомеровскомъ обществѣ. Слово это—κλῆρος (клеросъ), *жребій*; такъ называется въ „Одиссеѣ“ и „Иліадѣ“ недвижимая земельная *собственность*, земельный участокъ. Участокъ переходитъ по наслѣдству и дѣлится между сонаслѣдниками. Изъ того обстоятельства, что земельный участокъ носитъ названіе *жребія*, выводятъ заключеніе, что у Гомера мы имѣемъ дѣло съ сельской общиной: какъ извѣстно, при передѣлахъ, характеризующихъ сельскую общину, практикуется жребій Но еще вопросъ: дѣйствительно ли слово „жребій“, въ смыслѣ участка, имѣетъ то значеніе, которое ему придаютъ сторонники теоріи сельской общины у Гомера. Не слѣдуетъ ли въ словѣ „жребій“ видѣть указаніе на совсѣмъ другого рода фактъ? Не говоритъ ли это слово скорѣе о томъ, что при занятіи территоріи греки дѣлили по-жребію всю занятую землю разъ навсегда, вводя, такимъ образомъ, съ самаго начала распорядки частной собственности на землю? Стоитъ только раскрыть шестую пѣснь „Одиссеи“, чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ утвердительно. Переселивъ феаковъ на Схерію, Навзитой „основалъ для нихъ городъ, построилъ дома, соорудилъ

храмы боговъ и *раздѣлилъ пахотную землю*“ („καὶ ἐδάσσατ'ἀρούρας“, Odys., VI, 9—10). Какъ бы то ни было, самое бо́льшее, что можно сказать, даже усматривая въ словѣ „жребій“, примѣнительно къ участку земли, намекъ на общинный передѣлъ, это то, что если и была когда-нибудь у грековъ сельская община, то эта община отсутствуетъ въ обществѣ, изображаемомъ поэмами Гомера. Земля—уже предметъ частной собственности, переходящій изъ-рукъ-въ-руки, ускользающій изъ однѣхъ рукъ и скопляющійся въ другихъ рукахъ.

Въ гомеровскомъ обществѣ есть люди многоземельные и есть люди безземельные. Тѣмъ не менѣе едва ли можно говорить о капиталистическомъ строѣ у Гомера. Въ общемъ, можно сказать, что хозяйственная дѣятельность гомеровскаго общества не имѣетъ еще характера *предпріятія*: хозяйство здѣсь не представляетъ еще собою организованной дѣятельности, имѣющей въ виду *прибыль, барышъ*. Въ общемъ, можно сказать, что хозяйственная дѣятельность этого общества имѣетъ въ виду непосредственное удовлетвореніе потребностей. Земледѣлецъ трудится для того, чтобы продуктами своего труда прокормить себя и свою семью. Ту же цѣль

имѣетъ хозяйство крупнаго землевладѣльца, князя и царя, хозяйство, для котораго употребляются и наемныя рабочія руки. И въ этомъ случаѣ продукты, добываемые съ обширныхъ полей магнатовъ, идутъ на удовлетвореніе потребности въ пищѣ магната и его довольно многолюдной дворни, на угощеніе пріятелей и знакомыхъ, которыхъ обычай велитъ принимать сообразно достоинству хозяина, и т. п. Гомеровское общество—общество земледѣльческое и пастушеское. Масса общества занята однимъ и тѣмъ же дѣломъ. *Раздѣленіе труда* только еще начинается Вслѣдствіе этого и *обмѣнъ* внутри общества едва только зарождается, и формы его пока еще весьма элементарны. *Товаровъ*, въ собственномъ смыслѣ, т.-е. продуктовъ, изготовляемыхъ для обмѣна, а не для непосредственнаго потребленія изготовившаго ихъ, въ общемъ, можно сказать, еще нѣтъ въ гомеровскомъ обществѣ; нѣтъ и средства обмѣна—денегъ. Единственныя цѣнности въ обществѣ—*продукты для непосредственнаго потребленія и трудъ для непосредственнаго приложенія*; хозяйство гомеровскаго общества—чисто *натуральное хозяйство*.

Говоря о начаткахъ раздѣленія труда въ гомеровскомъ обществѣ и о начаткахъ об-

мѣна, мы разумѣемъ ремесленниковъ. Ремесленники у Гомера носятъ чрезвычайно характерное названіе **деміурговъ** (δημιοεργός), что́ значитъ — **работники на народъ**. Если земледѣлецъ добываетъ продукты для непосредственнаго потребленія, то деміургъ производитъ ихъ для другихъ, являясь общественнымъ дѣятелемъ, необходимымъ для общества. И глашатай, и врачъ, и пѣвецъ героическихъ пѣсенъ стоятъ, въ этомъ отношеніи, на одной линіи съ ремесленникомъ, раздѣляя съ нимъ общее названіе деміурговъ. Дѣятельность гомеровскаго ремесленника, дѣйствительно, носитъ болѣе непосредственно общественный характеръ, чѣмъ промышленная дѣятельность въ настоящее время. Ремесленникъ гомеровскаго общества — спеціалистъ, знающій такое мастерство, которое недоступно всѣмъ и каждому. Гомеровскій грекъ и самъ мастеръ на всѣ руки; даже царь не затруднится собственными руками сдѣлать себѣ кровать и многое другое, потребное въ домашнемъ обиходѣ. Оно и понятно: жизнь еще очень проста, потребности весьма еще ограничены; человѣкъ не превратился еще въ винтикъ общественной машины, неукоснительно выполняющій свою весьма опредѣленную функцію и больше ни къ чему не

способный. Гомеровскій грекъ, подобно нашему крестьянину, еще довольно разностороненъ. Тѣмъ не менѣе есть такіе роды дѣятельности, которые ему не доступны, которые требуютъ спеціальной выучки. И вотъ въ тѣхъ (исключительныхъ все-таки) случаяхъ, когда гомеровскій грекъ чувствуетъ потребность въ продуктахъ работы спеціалиста, онъ и обращается къ деміургу, онъ зоветъ этого деміурга къ себѣ въ домъ, даетъ ему необходимый матеріалъ, поитъ и кормитъ деміурга и, по окончаніи работы, даетъ ему вознагражденіе, не въ видѣ денегъ, конечно (денегъ еще нѣтъ), а въ видѣ продуктовъ, натурой; не обходится, конечно, и безъ того, чтобы деміургъ не получилъ въ придачу ко всему и не идущій въ счетъ подарокъ *).

---

*) „Такъ, возражая, Эвмей свинопасъ отвѣчалъ Антиною:
Ты, Антиной, неразумное мнѣ и недоброе молвилъ
Слово теперь. Приглашаетъ ли кто человѣка чужого
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ на дѣло:
Или гадателей, или врачей, иль искусниковъ зодчихъ,
Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ—

Къ положенію деміурга весьма близко подходитъ положеніе безземельнаго батрака, **тета** (θής, мн. ч. θῆτες). Разница между этими двумя свободными представителями рабочаго класса лишь въ томъ, что первый—представитель профессіональнаго труда; второй—просто чернорабочій, знающій не больше того, что знаетъ всякій членъ общества. Классъ тетовъ составлялся изъ бывшихъ крестьянъ-собственниковъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ лишившихся своихъ участковъ, а также изъ той части населенія, для которой не хватало земли, что могло явиться въ результатѣ естественнаго роста населенія; тетомъ, наконецъ, могъ быть и ищущій пристанища, весьма не рѣдкій въ гомеровскомъ обществѣ гость, чужестранецъ. Тетъ заключалъ съ хозяиномъ устный договоръ, которымъ онъ выговаривалъ себѣ опредѣленное вознагражденіе за свой трудъ. Вознагражденіе состояло въ полномъ содержаніи во время службы и въ разныхъ предметахъ, выдавае-

---

Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земнородные люди;
Нищаго жъ, каждому скучнаго, кто пригласитъ произвольно?

Одиссея. XVI, 380—387.

мыхъ тету по окончаніи срока его службы, въ видѣ платья, обуви, и т. п. *).

Матеріальное положеніе свободнаго тета мало чѣмъ разнилось отъ положенія **раба.** Если и есть разница, то въ пользу раба. Трудъ раба играетъ въ хозяйствѣ земле-

---

*) Эвримахъ, одинъ изъ жениховъ Пенелопы, говоритъ Одиссею, принявшему видъ нищаго:

„Странникъ, ты, вѣрно, поденщикомъ будешь согласенъ наняться
Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ,
Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя;
Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь“.

Одиссея, XVIII, 357—361.

Посейдонъ говоритъ Аполлону:

„О, безразсудный, съ забывчивымъ сердцемъ! Ужели не помнишь,
Сколько мы вынесли бѣдствій вокругъ Иліонской твердыни,
Мы лишь одни изъ безсмертныхъ, когда, по рѣшенію Зевса,
Въ Трою пришли, чтобы годъ прослужить за условную плату
Гордому Лаомедону, а онъ сталъ давать приказанья“.

Иліада (перев. Н. М. Минскаго), XXI, 441—445.

владѣльца ту же роль, что и трудъ тета. Только матеріальное положеніе раба болѣе прочно, чѣмъ положеніе свободнаго пролетарія; оно болѣе выгодно именно потому, что юридическое положеніе раба менѣе выгодно, и какъ, разъ постольку, поскольку юридическое положеніе раба менѣе выгодно, чѣмъ положеніе свободнаго тета. Рабъ прикрѣпленъ къ личности господина; господинъ его содержитъ до самой его смерти или до тѣхъ поръ, пока не вздумаетъ продать его; но и купившій его новый господинъ также будетъ поступать съ нимъ. Въ благодарность за вѣрную службу господинъ, можетъ-быть, дастъ рабу участокъ земли, чтобы онъ жилъ на немъ своимъ домомъ, съ дѣтьми и женою, и снабдитъ его всѣмъ необходимымъ, чтобы начать собственное хозяйство (Од., XIV, 61—66). Господинъ стоитъ еще на той же, въ сущности, ступени развитія, что и его рабъ. Одни у нихъ знанія, одно міровоззрѣніе, одни предразсудки Они понимаютъ другъ друга; у нихъ общіе интересы; они на равной ногѣ, могутъ свободно обмѣниваться мыслями, могутъ быть связаны неразрывными узами самой нѣжной дружбы. Далеко еще до той глубокой пропасти, которая впослѣдствіи отдѣлила го-

сподина, стоявшаго на высотѣ свободнаго философскаго созерцанія и утонченной культуры, отъ чернорабочаго раба, коснѣвшаго во мракѣ прадѣдовскихъ суевѣрій. Тогда они перестали понимать другъ друга. Тогда близкій другъ, дѣлившій нѣкогда семейныя радости и печали своего господина, сталъ для него живымъ хозяйственнымъ орудіемъ, низшею породою людей, едва-едва отличною отъ домашнихъ животныхъ „Божественный“ Эвмей, принимающій дѣломъ и совѣтомъ такое участіе въ дѣлахъ царя Одиссея и его сына, превращается въ существо, „настолько лишь причастное разуму, чтобы понимать разумное, но не настолько, чтобы самому обладать разумомъ“. („**Политика**“ **Аристотеля**, пер. Скворцова, стр. 17).

Классъ **купцовъ** еще только зарождается. Хозяйство — натуральное, внутренней торговли почти нѣтъ, не можетъ быть рѣчи и о посредникахъ между производителями и потребителями, и если можно говорить о купцахъ въ гомеровскомъ обществѣ, то только какъ о людяхъ, ведущихъ внѣшнюю торговлю, привозящихъ изъ чужихъ странъ продукты, которыхъ не производили сами греки, и рабовъ въ обмѣнъ на естествен-

ныя произведенія греческой почвы. О купцахъ, впрочемъ, намъ очень мало извѣстно, и составить вполнѣ отчетливое представленіе объ этомъ классѣ и его роли—едва ли возможно.

Мы разсмотрѣли хозяйственную жизнь и организацію гомеровскаго общества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изучили матеріальное положеніе разныхъ группъ на которыя расчленилось это общество въ соотвѣтствіи съ его хозяйственной организаціей. Мы изучили **классы.** Остается познакомиться **съ сословіями,** съ классификаціей общественныхъ группъ по ихъ правамъ и по степени ихъ участія въ политической жизни общества.

Знатные (ἀριστῆες, ἄριστοι, ἔξοχοι ἀνδρῶν)—люди многоземельные (πολύκληροι), крупные землевладѣльцы. Богатство, конечно, является весьма серьезнымъ базисомъ ихъ выдающагося общественнаго положенія. Тѣмъ не менѣе, богатство—не единственная основа этого положенія. Они—знатные, потому что ведутъ свой родъ отъ знаменитыхъ въ свое время людей; это люди родовитые; главы мелкихъ группъ, изъ которыхъ состоитъ общество,—изъ ихъ среды. Одно богатство еще не даетъ знатности, но можетъ стать матеріальной основой для знатности потом-

ковъ незнатнаго человѣка, владѣющаго имъ въ данный моментъ. Съ другой стороны, знатное происхожденіе, ставящее человѣка на-верху общественной лѣстницы, само можетъ стать источникомъ богатства. У Тацита, въ его „Германіи“, при занятіи земли германскимъ племенемъ земля эта дѣлилась между всѣми, но такъ, что знатные получали участки болѣе крупные, чѣмъ простые свободные, и потому только, что они—люди знатные. Въ основѣ знатности лежитъ общественная служба (понимая это выраженіе въ самомъ широкомъ смыслѣ) одного изъ членовъ рода. Такимъ образомъ, въ основѣ знатности можно различать собственно два момента: общественное служеніе и богатство; въ какой послѣдовательности ихъ нужно называть,—это зависитъ отъ особенностей каждаго даннаго случая; во всякомъ случаѣ, они обусловливаютъ другъ друга.

Совѣтъ, или сенатъ (дума), конечно, состоитъ изъ знатныхъ.

Массу народа составляютъ **простые свободные**, нормальные, такъ сказать, люди гомеровскаго общества. Эта группа обнимаетъ мелкихъ земледѣльцевъ (крестьянъ-собственниковъ), деміурговъ (кромѣ царскихъ глашатаевъ, принадлежащихъ къ знати) и без-

земельныхъ батраковъ (тетовъ). Простые свободные, какъ и знатные, имѣютъ право носить оружіе, защищать свое отечество отъ враговъ и участвовать въ наступательныхъ войнахъ, защищать свои дѣла передъ судомъ, принимать участіе въ народномъ собраніи;—словомъ, это—совершенно полноправные граждане.

О **рабахъ** уже была рѣчь.

Остается сказать нѣсколько словъ о такъназыв. **метанастахъ** (μετανάστης). Метанасты, это—не общественный классъ и не сословіе. Это—иноземцы, т.-е. граждане другихъ государствъ, по той или другой причинѣ порвавшіе связи со своей родиной и принужденные искать убѣжища на чужой сторонѣ. Это какіе-то межеумки, люди, отставшіе отъ одной политической группы и не приставшіе къ другой, отставшіе отъ своихъ и не приставшіе къ чужимъ. Право не брало ихъ подъ свою защиту; ихъ защищала религія, повелѣвавшая полноправному гражданину принять подъ свое покровительство несчастнаго скитальца. Въ метанастахъ можно видѣть предшественниковъ позднѣйшихъ метэковъ (въ Аѳинахъ), не входившихъ въ составъ гражданства, но пользовавшихся извѣстнымъ покровительствомъ

со стороны закона и несшихъ извѣстныя повинности въ пользу государства; на территоріи котораго они постоянно жили.

III.

Мы познакомились съ гомеровскимъ обществомъ и государствомъ. Гомеровское общество, какъ мы видѣли, живетъ совершенно, можно сказать, самостоятельными и самодовлѣющими родовыми группами (филами, фратріями и родами); внутри своей группы человѣкъ находитъ возможность добыть всѣ средства къ существованію, внутри своей группы человѣкъ находитъ поддержку и защиту. Только въ экстренныхъ случаяхъ является потребность въ соединеніи отдѣльныхъ группъ въ одно цѣлое. Тогда является и общій предводитель, и общій совѣтъ, и общее народное собраніе, является общая организація, стоящая надъ организаціями каждой изъ группъ и представляющая собою воспроизведеніе организаціи каждой изъ группъ, отличающаяся отъ постоянной организаціи каждой изъ группъ своимъ

временнымъ характеромъ; эта общая организація есть просто комбинація организацій всѣхъ наличныхъ группъ; общимъ предводителемъ выбираютъ главу одной изъ группъ, общій совѣтъ представляетъ собою совокупность главъ всѣхъ группъ, общее народное собраніе—сумму народныхъ собраній всѣхъ группъ. Такимъ образомъ, при общей организаціи группъ въ одно цѣлое эти группы сохраняютъ вполнѣ свою самостоятельность и индивидуальность: и общее войско представляетъ вооруженный народъ, построенный по филамъ и фратріямъ, и на войнѣ, слѣдовательно, родовыя группы не сливаются въ нѣчто однообразное, но являются со всѣми признаками своей особности. Въ мирное время (для гомеровской эпохи мирное время, это—короткій промежутокъ между концомъ одной войны и началомъ другой) общій вождь играетъ роль судьи; но и эта роль носитъ тоже случайный характеръ; къ царю за судомъ обращаются только въ исключительныхъ случаяхъ; въ остальныхъ случаяхъ судьями являются старцы, главы родовыхъ группъ, — старцы, которые, въ свою очередь, исполняютъ роль третейскихъ судей. Ни у царя, ни у старцевъ нѣтъ матеріальной силы, съ помощью

которой они могли бы осуществлять по отношенію къ человѣку, оказавшемуся неправымъ, принужденіе, той матеріальной силы, которою обладаетъ современное государство для защиты и примѣненія закона, — у гомеровскаго общества **нѣтъ правительственныхъ средствъ.** Размѣръ правительственныхъ средствъ въ обществѣ служитъ показателемъ того, насколько въ обществѣ развита сторона государственная, насколько общество является государствомъ. Отсутствіе въ обществѣ правительственныхъ средствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что общество обходится безъ общей организаціи и живетъ мелкими группами, члены которыхъ находятъ внутри своихъ группъ удовлетвореніе всѣхъ потребностей общежитія. Таково гомеровское общество. Государственность въ немъ уже зародилась, но особыхъ органовъ своихъ она еще не выработала; нѣтъ поэтому и матеріальныхъ средствъ для этихъ органовъ, нѣтъ налоговъ **нѣтъ государственнаго хозяйства.** Единственный особый органъ государственности здѣсь—царь Но мы уже знаемъ его скромную роль, знаемъ также и тѣ матеріальныя средства, которыми онъ располагаетъ, а также и то назначеніе, какое имѣли эти средства. Въ

согласіи съ натуральнымъ характеромъ хозяйства гомеровскаго общества, съ почти полнымъ отсутствіемъ въ немъ раздѣленія труда и внутренняго обмѣна, съ его единственными цѣнностями—трудомъ для непосредственнаго приложенія и продуктомъ для непосредственнаго потребленія—царь получалъ земельный надѣлъ и добровольныя приношенія (продуктами, конечно), болѣе или менѣе неопредѣленныя по размѣру и по поступленію. На эти средства царь содержалъ себя и свою семью и угощалъ членовъ своей думы, когда они собирались у него въ палатахъ, и только. Если и можно называть этотъ земельный надѣлъ царя и эти добровольныя даянія правительственными средствами, то едва ли можно утверждать, что они имѣютъ что-либо общее съ государственнымъ хозяйствомъ, т. е. съ организованной принудительной дѣятельностью государства, направленной на извлеченіе изъ общества матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія государства, для содержанія всѣхъ его органовъ. Въ гомеровскомъ обществѣ не государство принудительнымъ путемъ извлекаетъ изъ общества матеріальныя средства для своего существованія, но само общество добровольно

даетъ единственному особому и постоянному органу этого государства,—царю—средства для его существованія. Роль государства еще весьма скромна, а сила его и того скромнѣе: государство здѣсь всецѣло зависитъ отъ общества. Крайности сходятся И Людовикъ XIV, и царь гомеровской эпохи могли съ полнымъ правомъ сказать: „Государство, это-я“. Вся власть во французскомъ обществѣ второй половины семнадцатаго вѣка, вся сила принужденія, вся государственность сосредоточивалась въ рукахъ короля; вся государственность гомеровскаго общества выражалась въ лицѣ царя. Но Людовикъ XIV былъ неограниченнымъ деспотомъ, попиравшимъ безправный народъ, а царь гомеровской эпохи былъ въ полной зависимости отъ общества, свободно устраивавшаго свое существованіе. Во французскомъ обществѣ семнадцатаго столѣтія государственность развилась до крайней степени, до почти полнаго отнятія у общества всякой самостоятельности; въ гомеровскомъ обществѣ государственность еще только намѣчается. Тѣмъ не менѣе, и „король-солнце“—Людовикъ XIV, и царь волнообъятой Итаки, другъ свинопаса Эвмея,—Одиссей, могутъ съ полнымъ правомъ за-

являть: „Государство, это—я“. Гомеровскій царь—прежде всего, военный предводитель, и если онъ существуетъ и въ мирное время (и даже по-наслѣдству передаетъ власть свою сыну), то только потому, что это мирное время можетъ прерваться каждый моментъ: непріятель ли появится, или само общество вздумаетъ пойти походомъ на сосѣдей.

Объ **администраціи** въ мирное время въ гомеровскомъ обществѣ и рѣчи быть не можетъ. Въ ней просто нѣтъ надобности, разъ общество живетъ вполнѣ самостоятельными мелкими группами; нѣтъ надобности, слѣдовательно, въ цѣломъ рядѣ учрежденій и въ ихъ безчисленномъ служебномъ персоналѣ; нѣтъ надобности, словомъ, въ томъ сложномъ правительственномъ механизмѣ, который требуетъ такой массы средствъ для своего содержанія и для отправленія своихъ, столь безконечно разнообразныхъ, функцій и является матеріальнымъ выраженіемъ весьма развитой государственности. Государственность у Гомера есть; но только ее слѣдуетъ искать не въ обширномъ общественномъ соединеніи, а въ мелкихъ родовыхъ группахъ, изъ которыхъ состоитъ общество. Эти группы—не безпорядочные аг-

грегаты человѣческихъ существъ, это—группы организованныя и при томъ организованныя весьма опредѣленно. Если мы и говоримъ, что государственность въ гомеровскомъ обществѣ еще только зарождается, то мы придаемъ этимъ словамъ весьма опредѣленный смыслъ. Мы вовсе не думаемъ сказать этимъ, что кромѣ зачатковъ общегосударственной организаціи общество совсѣмъ не имѣетъ организаціи. Организація есть, это—организація мелкихъ родовыхъ группъ, изъ которыхъ каждая представляетъ нѣчто цѣлое, представляетъ маленькое государство съ тѣми, конечно, весьма скромными функціями государственными, которыя соотвѣтствуютъ тогдашней ступени развитія общественности. Если мы и говоримъ, что государственность въ гомеровскомъ обществѣ еще только зарождается, то этимъ думаемъ сказать, что въ этомъ обществѣ еще только зарождается организація, стоящая **надъ** организаціями отдѣльныхъ родовыхъ группъ, которыя составляютъ гомеровское общество, зарождается болѣе широкая организація. Мы уже видѣли, что въ гомеровскомъ обществѣ государство въ смыслѣ болѣе широкой организаціи, стоящей надъ всѣми членами даннаго общества,

представляетъ собою лишь весьма поверхностную надстройку, и если снять эту надстройку, то общество останется въ томъ же видѣ, что и при надстройкѣ. Подобнаго рода опытъ мы видѣли на островѣ Итакѣ. Государство еще не есть здѣсь органически выросшая и неразрывно связанная съ цѣлымъ часть общества; государство здѣсь не есть та форма общества, съ уничтоженіемъ которой общество разсыпается на атомы, не связанные ни въ какія соединенія. Въ гомеровскомъ обществѣ государство — еще до такой степени слабо сросшаяся съ обществомъ подробность, что ее можно отнять отъ общества, и оно останется въ прежнемъ видѣ, не потерпитъ никакого измѣненія: оно будетъ жить полной жизнью, организованной въ мелкихъ группахъ, самостоятельныхъ и самодовлѣющихъ, той полной жизнью, какою оно жило и при существованіи болѣе широкой организаціи, стоящей надъ организаціями этихъ группъ. Государство у Гомера, это—не та сила, которая держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити общественныя и направляетъ всю существующую въ обществѣ энергію въ ту или другую сторону, не та сила, которая очень часто ломаетъ существующую въ обществѣ,

помимо нея, организацію, химически, такъ сказать, смѣшиваетъ всѣ заранѣе данные разнородные элементы общества и образовавшуюся, такимъ путемъ, однородную массу отливаетъ въ формы, диктуемыя ей болѣе широкими задачами. Гомеровскому государству весьма и весьма далеко до современнаго государства, которое, по утвержденію юристовъ, не допускаетъ въ обществѣ рядомъ съ собою никакой самостоятельной власти, которое признаетъ помимо себя въ обществѣ только тотъ авторитетъ и ту власть, которымъ оно сообщаетъ свою санкцію, которое является монополистомъ всей принудительной власти въ обществѣ. Къ гомеровскому обществу непримѣнимо ученіе современныхъ публицистовъ (представителей такъ-называемой науки государственнаго права).

Въ гомеровскомъ обществѣ государственность еще только намѣчается. Тѣмъ не менѣе, гомеровское общество—общество организованное и цивилизованное. Члены его мирно предаются своимъ занятіямъ подъ охраной общественнаго порядка. Является вопросъ: какъ можетъ существовать въ обще-

ствѣ порядокъ, разъ въ немъ отсутствуетъ власть, обладающая матеріальными средствами, необходимыми для того, чтобы могло быть осуществлено принужденіе, обезпечивающее исполненіе извѣстныхъ правовыхъ или обычныхъ нормъ, разъ въ немъ слабо развита сторона государственности? Если въ обществѣ нѣтъ органа, обладающаго принудительной властью, и нѣтъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для дѣятельности этой принудительной власти, и общество, тѣмъ не менѣе, не разсыпается на части, другъ друга истребляющія, а въ извѣстной степени не лишено возможности даже процвѣтать подъ сѣнью **порядка**, — необходимо предположить существованіе въ немъ какихъ-нибудь хотя бы суррогатовъ принудительной власти и матеріальной силы, дѣлающей возможнымъ принужденіе. Мы уже видѣли, что въ гомеровскомъ обществѣ **закона**, въ смыслѣ велѣнія высшей власти, обязательнаго подъ страхомъ наказанія, не существуетъ: его мѣсто занимаетъ **обычай**, норма, выросшая въ обществѣ путемъ органическаго развитія. Теперь мы прибавимъ къ этому, что обычай въ гомеровскомъ обществѣ находитъ свою санкцію не въ матеріальной силѣ, охраняющей законы, а **въ религіи**, въ религіи олим-

пійцевъ. Человѣкъ, нарушившій обычай, представляющій собою, по понятіямъ людей того общества, формулировку справедливости, тѣмъ самымъ оскорбляетъ божество и можетъ подвергнуться его карѣ: вѣдь, обычаи установилъ самъ богъ и храненіе ихъ поручилъ царямъ. Такой человѣкъ разрываетъ связи съ божествомъ, а также съ тѣми людьми, въ обществѣ которыхъ онъ служилъ этому божеству, просилъ у него всякихъ благъ въ общихъ молитвахъ и благодарилъ общими жертвоприношеніями. Такой человѣкъ извергается изъ той кровной и религіозной группы, членомъ которой онъ родился; онъ становится отщепенцемъ, „стоящимъ внѣ фратрій, внѣ закона, внѣ домашняго очага“ (ἀφρήτωρ, ἀθέμιστος, ανέστιος, Il., IX, 63), безпріютнымъ скитальцемъ, для котораго нѣтъ защиты; развѣ сжалится надъ нимъ кто-либо изъ членовъ того общества, въ которое онъ случайно попалъ во время своихъ странствій, и дастъ временный кровъ а иногда и работу несчастному метанасту. За это къ нему пребудетъ благосклонно божество. Та же религія охраняетъ и всякаго рода устные договоры между людьми (письменныхъ еще нѣтъ), договоры, которые безъ этого не имѣли бы никакого значенія и дѣ-

лали бы невозможнымъ сколько-нибудь организованное общеніе между людьми. Человѣкъ, говорящій одно, а дѣлающій совершенно другое, какъ существо антисоціальное, возбуждаетъ въ гомеровскомъ обществѣ отвращеніе. „Ненавистенъ для меня какъ врата Адовы человѣкъ, который скрываетъ въ сердцѣ своемъ одно, а устами говоритъ другое“, говоритъ Ахиллесъ Клятвопреступленіе влечетъ за собою особенно ужасную месть со стороны Эриній, и за него человѣка наказываетъ Персефона въ мрачныхъ безднахъ Тартара.

Религія гомеровской эпохи является, такимъ образомъ, нравственной силой, сдерживающей страсти человѣка, заставляющей его сообразовать свои поступки съ интересами общества, въ которомъ онъ живетъ, подчиняться вѣками выработаннымъ обычнымъ нормамъ, воплотившимъ въ себѣ понятіе о справедливомъ. Ошибкою было бы сказать, что эти обычныя нормы обязательны только въ отношеніи къ членамъ той узкой группы, къ которой человѣкъ принадлежитъ, къ членамъ рода, фратріи, филы, племени, наконецъ. Не вполнѣ согласнымъ съ свидѣтельствами поэмъ было бы утвержденіе, что въ отношеніи къ членамъ другихъ обществъ, въ

отношеніи къ иностранцамъ всякое различіе между справедливымъ и несправедливымъ устранялось, и человѣкъ освобождался отъ всякихъ нравственныхъ узъ. Конечно, обязательность нравственныхъ сдержекъ носила болѣе принудительный характеръ по отношенію къ членамъ той болѣе или менѣе тѣсной группы, къ которой человѣкъ принадлежалъ; безъ сомнѣнія въ отношеніи къ людямъ, съ которыми человѣкъ былъ связанъ кровными и религіозными узами, онъ не могъ позволить себѣ, и общественное мнѣніе не допускало, такихъ поступковъ, которые онъ, не задумываясь, совершалъ въ отношеніи къ иностранцамъ. Это видно, между прочимъ, и изъ того, что *своимъ* дѣлался для человѣка иностранецъ, съ которымъ онъ вступилъ въ особыя отношенія, въ отношенія побратимства; иностранецъ дѣлался *своимъ*, и, такимъ образомъ, между нимъ и вступившимъ съ нимъ въ этого рода отношенія уже не могли имѣть мѣста факты, возможные между людьми разныхъ обществъ (Ил., VI, 215—236). Все это такъ. Тѣмъ не менѣе нужно быть человѣкомъ, намѣренно закрывающимъ глаза на современную намъ дѣйствительность, чтобы приходить въ какой-то чрезмѣрный ужасъ отъ тѣхъ жестокостей,

какими сопровождались войны гомеровской эпохи, и дѣлать заключеніе, что вообще въ отношеніи къ иностранцамъ гомеровскіе греки не знали права и справедливости, являясь кровожадными дикарями и разбойниками. Правовыя идеи гомеровскихъ грековъ были элементарны и конкретны; но это были идеи народа, прошедшаго безконечно длинный путь гражданственности отъ того отправного пункта, на которомъ греки являлись подобными „незнающимъ правды“ циклопамъ. Если чужеземецъ проситъ покровительства и защиты, человѣкъ обязанъ оказать ему ихъ: такъ велитъ Зевсъ громовержецъ, предписывающій людямъ долгъ гостепріимства (Ил., XII, 623 etc.). Мало того, въ гомеровскомъ обществѣ мы встрѣчаемъ уже идеи, гуманныя въ самомъ прямомъ и широкомъ значеніи этого слова; гомеровское общество уже выработало идею о томъ, что существуютъ такія дѣянія, которыя было бы беззаконіемъ совершать по отношенію ко всякому человѣку, къ **человѣку** вообще. Отправляясь къ Троѣ, Одиссей заѣхалъ въ Эфиру (городъ въ Элидѣ) къ нѣкоему Илу, чтобы достать у него яду для отравленія своихъ стрѣлъ; но Илъ не далъ ему яду, „боясь боговъ вѣчносущихъ“ (Од., 1, 259—263).

Религія въ гомеровскомъ обществѣ является весьма реальной силой, упорядочивающей общежитіе, освящающей тѣ формы, которыя выработала матеріальная жизнь. Религіей проникнуто право, проникнуто общественное міросозерцаніе. Та же религія является и формой для общаго міросозерцанія. Какъ въ обществѣ есть и долженъ быть порядокъ, установленный богами и обязательный подъ страхомъ кары боговъ, такъ есть порядокъ и во всемъ мірѣ. Все въ мірѣ совершается такъ, какъ оно должно совершаться. Все совершается подъ руководствомъ и непосредственнымъ наблюденіемъ боговъ; они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы все, что выходитъ изъ нормы какъ въ мірѣ нравственномъ, въ мірѣ людей, такъ и въ мірѣ физическомъ, въ природѣ, немедленно становилось въ предписанную ему колею. Ахиллесовъ конь Ксанѳъ заговорилъ человѣческимъ голосомъ; но только онъ успѣлъ кончить рѣчь свою къ Ахиллесу, какъ „Эриніи голосъ коня перервали“ (Ил., XIX, 405—418). Все человѣку посылаютъ боги: удачи и неудачи, побѣды и пораженія, добро и зло. Гомеровскій грекъ не приписывалъ богамъ только добро, относя зло на долю свободной воли человѣка: и зло, какъ и добро, въ одинаковой

степени, даръ боговъ. „Зевсъ отецъ, ты одинъ посылаешь несчастья, отъ тебя превыше всѣхъ боговъ исходитъ зло“. Несчастье, постигнувшее человѣка, совершившаго преступленіе, послано ему богами, которые наслали на него затменіе, помрачили его разумъ и тѣмъ довели его до преступленія, которое, безъ воли божества, самъ человѣкъ и не подумалъ бы совершить. Такъ мыслилъ гомеровскій грекъ. По его мнѣнію, зло, несчастье на каждомъ шагу подстерегаетъ человѣка. „Изъ всѣхъ созданій, которыя живутъ и дышатъ на землѣ, нѣтъ ни одного несчастнѣе человѣка“. Подобно листу древесному, жизнь человѣческая на короткое время распускается, а затѣмъ столь же быстро увядаетъ. Въ заключеніе всего смерть. Но и ею не все кончается. Послѣ нея начинается какое-то безразлично унылое, пригнетенное состояніе, отсутствіе свѣта, красокъ, отсутствіе впечатлѣній, приводящихъ человѣка, какъ и все живое, въ волненіе, какая-то безпросвѣтная мгла, полусонное мельканіе, тяжелый кошмаръ, которому нѣтъ имени, безотрадное блужденіе въ давящемъ полумракѣ. Царь Ахиллесъ готовъ быть послѣднимъ поденщикомъ на прекрасной землѣ, лишь бы вырваться изъ печальнаго подземнаго мрака,гдѣ

онъ царствуетъ надъ тѣнями. Тяжела жизнь человѣка на землѣ; но есть въ ней и хорошія стороны, изъ-за которыхъ стоитъ жить. Человѣкъ весь во власти боговъ, которые, по своимъ высшимъ соображеніямъ, могутъ каждый моментъ прервать нить его жизни или наслать на него еще болѣе ужасное несчастье. Но и надъ богами есть сила, предъ которою и сами они оказываются въ положеніи, какое занимаютъ въ отношеніи къ нимъ люди, сила, въ отношеніи къ которой они являются, въ сущности, лишь покорными исполнителями, какъ ни капризна, повидимому, и своевольна ихъ дѣятельность. Сила эта—**судьба**, предъ которой покорно склоняется и самъ Зевсъ, грозный громовержецъ и тучегонитель, во гнѣвѣ потрясающій Олимпъ, судьба, предопредѣлившая все на свѣтѣ. Все идетъ по искони начертанному пути. Но это сознаніе не заставляло человѣка гомеровской эпохи безпомощно складывать руки, совершенно отстраняясь отъ активнаго участія въ дѣйствительной жизни или погружаясь въ созерцаніе безличныхъ законовъ призрачнаго міра или не менѣе односторонне отдаваясь всѣмъ тѣмъ пріятнымъ ощущеніямъ и впечатлѣніямъ, какія даетъ мимотекущая жизнь съ ея крас-

ками и цвѣтами, съ любовью и дружбой, не стремясь проникнуть въ сущность всѣхъ подробностей чрезвычайно пестраго внѣшняго покрова бытія, а тѣмъ болѣе не пытаясь воздѣйствовать даже на самую минимальную деталь дѣйствительности. Грекъ гомеровской эпохи смотрѣлъ на вещи шире и жизненнѣе. Не однѣ чувственныя утѣхи бытія даютъ человѣку удовлетвореніе; у него есть еще семья и родина; онѣ налагаютъ на него **обязанности**; удовлетвореніе чувства **долга** доставляетъ человѣку высокое самочувствіе. Да и долгъ этотъ не такая ужъ абстрактная вещь. Защита родныхъ и согражданъ является естественнымъ выводомъ изъ тѣхъ чувствъ любви и дружбы, которыя составляютъ такую важную статью въ душевномъ обиходѣ человѣка. „Пусть птицы летаютъ на западъ или на востокъ, но храбрый человѣкъ долженъ защищать домъ свой и родину“. Разъ человѣку свойственны любовь къ семьѣ и родинѣ, онъ будетъ заботиться о нихъ и защищать ихъ отъ всякихъ посягательствъ. Онъ будетъ поступать такъ, какъ ему свойственно, совершая этимъ все то, къ чему предназначила его судьба. Судьба является для гомеровскаго грека не какой-то внѣ стоящей силой, всему указывающей

тотъ, а не другой путь. Въ идеѣ судьбы людей этой эпохи мы можемъ усматривать нѣкоторый, неясный, конечно, намекъ на гораздо позже развившуюся до полной отчетливости идею *о законѣ*, внутренне опредѣляющемъ всѣ явленія какъ физическаго, такъ и духовнаго міра.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗАДРУГА“.

Москва, Б. Кисловка, д. Азанчевскаго, кв. 4.

Поступили въ продажу:

Булгакова, Е. И. **Марина Мнишекъ, или отъ царскаго дворца до мрачнаго подземелья.** Историческая повѣсть Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Въ переплетѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

„Война и Миръ“. Сборникъ оригинальныхъ статей, посвященный памяти Л. Н. Толстого, подъ редакціей *В. П. Обнинскаго* и *Т. И. Полнера*. Цѣна 3 р. 50 к.

Герои и подвижники смутнаго времени. Популярный очеркъ *Е. И. Булгаковой*. Съ рисунками. Редакція *В. Н. Бочкарева* и *В. И. Пичета* (*Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.*). 128 стр Цѣна 30 коп.

Каррикъ, Валерій. **Сказки-картинки.**
№№ 10—28 малаго формата по 10 к. за № и №№ 1—4 большого формата по 60 к. безъ папки и по 80 к. въ папкѣ.

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ, Греція. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстрац. въ текстѣ и 21 иллюстр. на отдѣльныхъ листахъ. Подъ редакц. *А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева* и *К. В. Сивкова* (*Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.*). II+477 стр. Цѣна 2 р. 25 к.

Коровинъ, В. **Вуколка и Николка.** Разсказъ для дѣтей младшаго и средняго возраста. Съ рисунками.—32 стр. Цѣна 15 к., въ папкѣ 25 коп.

Лишинъ, Юр. **На Дальнемъ Востокѣ.** Цѣна 70 коп.

Ложье, Цезарь. **Дневникъ офицера великой арміи въ 1812 году.** Переводъ съ французскаго, подъ редакц. *Н. П. Губскаго*. Съ предисловіемъ *А. М. Васютинскаго*. VII+367 стр. Цѣна 80 к.

Монтессори, Марія, д-ръ. **Домъ ребенка.** Опытъ научной педагогики. Переводъ съ итальянскаго *С. Г. Займовскаго*, дополненный по англійскому и американскому изданіямъ Съ предисловіемъ проф. гарвардскаго университета *Генри Гольмса*. Цѣна 3 р.

Отечественная война. Историческій очеркъ, составленный *Н. П. Теплыхъ*. Съ рисунками. Редакція *И. М. Катаева* (*Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.*). Изданіе 2-е.—65 стр. Цѣна 20 к.

Пересъ, Ж. Б., библіотек. г. Ажана. **О томъ, что Наполеона никогда не было.** Переводъ *В. Васютинской*, подъ редакціей *А. М. Васютинскаго* Цѣна 20 к.

Рейнгеймеръ, С. **Сказки изъ жизни природы.** Перев. съ нѣмецкаго *Е. В. Орловой*. Съ рисунками. Въ папкѣ. Цѣна 50 к.

Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Сборникъ съ иллюстраціями въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Составили: *Н. Л. Бродскій, П. Е. Мельгунова, К. В. Сивковъ* и *Н. П. Сидоровъ*, подъ редакц. *Историч. Комиссіи Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.* 2-е изданіе. IV+403 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. **признана** заслужив. вниманія при пополн. ученич. библ. средн. учебн. заведеній.

Смутное время. Сборникъ статей для старшихъ классовъ средней школы. Съ иллюстраціями. Редакція *В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье* и *В. И. Пичета* (*Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.*). Цѣна 1 р. 50 к.

Первое „Утро", посвященное отечественной войнѣ. Редакція *Н. Л. Бродскаго* (*Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.*). Сборникъ отрывковъ для чтенія въ низшихъ и городскихъ школахъ. Съ иллюстраціями. 64 стр. Цѣна 10 коп.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. **допущена** въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Второе „Утро", посвященное отечественной войнѣ. Редакція *И. Л. Бродскаго* (*Историч. Комиссія Учебн Отд. О. Р. Т. Зн.*). Сборникъ отрывковъ для чтенія въ низшихъ и городскихъ школахъ. Съ иллюстраціями. 80 стр. Цѣна 10 коп.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. **допущена** въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Уэллсъ, Г. **Игры на полу.** Съ рисунками *Д. Синклера*. Перев.

съ англійск. *С. Г. Займовскаго*. Художеств. изд. въ коленкор. переплетѣ. 82 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ иностранцевъ. **Часть I.** Нѣманъ. Смоленскъ. Бородино. Вступленіе въ Москву. Сборникъ, составленный *А. М Васютинскимъ, А К. Дживелеговымъ* и *С. П. Мельгуновымъ*, подъ редакц. *Историч. Комиссіи Учебн. Отд. О. Р. Т Зн.* 200 стр. Цѣна 1 р.

Тоже. Часть II. Пожаръ Москвы Начало отступленія. На старую Смоленскую дорогу. 228 стр. Цѣна 1 р.

Тоже. Часть III. Отступленіе. Смоленскъ. Красный. Березина. Вильно. Черезъ Нѣманъ обратно. IV+387 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Печатается:

Алабина, Т. **Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V в. до Р. Х.** Подъ редакціей *Историч. Комиссіи Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.* 2-е изд.

Бѣлоконскій, И. П. **Земское движеніе.** Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Около 300 портретовъ.

Ефимова, Е. **Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи.** Подъ редакціей *Историч. Комиссіи Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.* 2-е изд.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей *С. П. Мельгунова* и *Н. П Сидорова*. Сборникъ статей въ III томахъ, съ большимъ количествомъ иллюстрацій. По подпискѣ около 10 р.

Выпускъ изданія предполагается начать съ осени 1913 г.

Путеводитель по старой Москвѣ и музеямъ. Съ картой и планами. Редакція *Н. А. Гейнике, Е. А Ефимовой* и *И. И. Шитца* (*Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.*).

Разсказы по русской исторіи. Подъ редакціей *Е И. Вишнякова, С. П. Мельгунова* и *Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскихъ* (*Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.*). Въ 2-хъ частяхъ. Съ иллюстрац.

Тарле, Е. В., проф. С.-Петерб. Высш. Женск. Курсовъ **Континентальная блокада.** Изслѣдованіе по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона I.

Титовъ, *А. А.* **Реформы Александра II и ихъ судьба.** Подъ редакціей *Историч. Комиссіи Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.* 2-е изд.

Фердинандсъ. **Свайный поселокъ.** Переводъ *Е. А. Дидрикиль*, подъ редакціей *А. М. Васютинскаго.* Съ иллюстраціями. Въ переплетѣ.

Черняева, В **Когда и какъ Волга стала русскою рѣкою.** Подъ редакціей *Историч. Комиссіи Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн* 2-е изданіе.

Выписывающіе изъ склада на сумму не менѣе ДВУХЪ рублей за пересылку не платятъ.

Р.С.Ф.С.Р.
Н.К.П.
Библиотека
У-тского философск.
ИНСТИТУТА
г. Москва

Фундаментальная
библиотека
И. Ф. И.

3р

1 Eb
140

1913